

Глава 3. КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

3.1. Амплитуда внешнеполитических колебаний

3.1.1. Неровный диалог с Америкой

Публично заявляя, что всемирные судьбы социализма и капитализма решит их мирное соревнование на социально-экономическом поприще, Хрущев в то же время мало чем отличался от основоположников советского государства в стремлении расширять сферы его влияния по всем геополитическим азимутам. Американская администрация отвечала на этот вызов политикой «сдерживания коммунизма». И противостояние двух сверхдержав порой приводило мир на грань, за которой маячила угроза третьей мировой войны.

Кризисы в отношениях между СССР и США возникали чаще всего из-за столкновения их

интересов в Европе (германский и, как его составная часть, берлинский вопросы), на Ближнем и Дальнем Востоке, а потом и в Латинской Америке.

Сейчас-то ясно, что обе стороны, хоть и подозревали друг друга в самых коварных планах, хоть и прибегали порой к откровенным угрозам, тем не менее, не собирались доводить дело до крайности. И уже в силу одного этого вынуждены были не пренебрегать дипломатическими возможностями для предотвращения и ликвидации как взаимного недоверия, так и всякого рода конфликтов. «Дух Женевы», несмотря на то, что он давно уже выветрился, однако оставался в памяти лидеров великих держав (и прежде всего СССР и США) как достойный подражания пример плодотворности личных контактов.

Американское направление советской внешней политики имело еще один аспект. Ее резкие повороты не совпадали с колебаниями во внутренней политике, в десталинизации. Но связь между надеждами определенной части общества на либерализацию режима и смягчением международной напряженности определенно прослеживается. И надежды эти крепили или, напротив, ослабевали по мере того, как «железный занавес» то приподнимался, то снова опускался.

Разумеется, курс определялся вовсе не исходя из этих надежд и чаяний. Но все же сразу после этапного XX съезда КПСС были предприняты попытки доказать миру, что «мирное сосуществование» это не только слова, но и дела советского руководства. 14 мая 1956 г. было принято решение сократить вооруженные силы СССР до 1 мая следующего года на 1200 тысяч человек сверх проведенного в 1955 г. сокращения на 600 тысяч. В соответствии с этим были расформированы 63 дивизии и 3 отдельные бригады (в том числе 3 авиационные и другие общей численностью более 30 000 человек, находившиеся в ГДР) и часть военных училищ, поставлены на консервацию 375 боевых кораблей. Соответственно были сокращены вооружения и боевая техника, а также военные расходы. Идя на этот шаг в одностороннем порядке, советское правительство обещало рассмотреть вопрос о дальнейшем сокращении своих вооруженных сил, если США, Англия и Франция со своей стороны проведут соответствующие сокращения{1073}. На Западе это мероприятие приветствовалось, но расценивалось как недостаточное для того, чтобы ликвидировать преимущество СССР в сухопутных силах. Кроме того, там по-прежнему настаивали на предварительной выработке мер международного контроля и воздушной инспекции. Не устраивала нас и предложенная британцами схема коэффициентов, которые предполагалось присвоить тем или иным видам вооружений{1074}.

Запуск первых искусственных спутников Земли позволил советскому руководству направить свою внешнюю политику по более жесткому курсу. Американцы психологически оказались в неблагоприятном положении, и это дало Кремлю возможность заняться неким «баллистическим блефом»{1075}. Набор аргументов в обоснование нового курса Хрущев выдвинул, на взгляд его помощников, довольно убедительный. Он говорил:

– Западные державы, по-видимому, не ценят умеренности и отказываются понимать ту очевидную истину, что конструктивные шаги... требуют соответствующей положительной реакции... И обратите внимание: наши партнеры или оппоненты не сделали ни одного сколько-нибудь существенного шага навстречу нам и нашим союзникам. Напротив, они продолжают идти по проторенной дороге: укрепляют свои военные блоки, вооружают Западную Германию, окружают Советский Союз военными базами{1076}.

Очевидно, при этом имелось в виду, что только в 1958 г. американские тактические ракеты типа «Матадор», «Найк» и «Онест Джонс», могущие нести и ядерные заряды, стали устанавливаться в Норвегии, ФРГ, Франции и Италии, строительство 4 баз с 60 пусковыми установками для ракет среднего радиуса действия «Тор» и «Юпитер» (в дополнение к имевшимся базам стратегической авиации) началось в Великобритании, а переговоры об этом велись с Голландией и Турцией.

В такой обстановке Хрущев не видел иной возможности, кроме как перехватить инициативу в «холодной войне». Ахиллесовой пятой, по его, да и общему мнению, был Западный Берлин.

– Поэтому, – считал он, – если мы хотим перехватить инициативу, то и давление должно быть оказано в этом слабом пункте{1077}.

Его новый помощник по внешнеполитическим делам О.А. Трояновский не исключал, что при этом «Никита Сергеевич хотел поднять и свой собственный рейтинг внутри страны, укрепить свои позиции в кремлевской иерархии после отстранения от власти Молотова, Маленкова, Кагановича и других оппозиционеров»{1078}.

Этой инициативе предшествовали резкое обострение обстановки на Ближнем Востоке и вокруг прибрежных островов в Тайваньском проливе, удерживавшихся гоминьдановцами при поддержке американцев. В октябре Д.Ф. Даллес заявил, что США не остановятся перед применением силы, чтобы воспрепятствовать захвату китайскими коммунистами этих островов и что точно так же западные державы никогда не отдадут Советам Западный Берлин. Заведующий отделом информации ЦК КПСС Г.М. Пушкин привлек внимание Хрущева к этому заявлению, дабы предостеречь его от опрометчивых шагов. Но реакция была совершенно противоположной. Хрущев разразился такой тирадой:

– Ишь как расхрабрился! Ну и пусть. Пока китайцы чикаются со своими говенными островами, нам пора показать кузькину мать в Берлине.

И далее последовало указание ускорить подготовку пакета предложений по Германии{1079}.

27 ноября из Москвы прозвучало требование в течение полугода ликвидировать оккупационный режим в Западном Берлине, превратив его в самостоятельную политическую единицу – вольный город.

Было очевидным, что в Кремле решили использовать берлинский рычаг по максимуму и потому действовали весьма решительно. В беседе с американским сенатором Х. Хэмфри 1 декабря 1958 г. Хрущев откровенно давал понять, что хотел бы побыстрее узнать о реакции Белого дома на советские инициативы.

– Что думают президент и государственный секретарь? Где же их контрпредложения?

Говоря о своем стремлении к миру, он не удержался от некоторого бахвальства и стал уверять собеседника в том, что новые советские ракеты с ядерными боеголовками способны ударить по любому месту на планете, и спросил с лукавой улыбкой:

– А где ваш родной город, господин сенатор?

И когда Хэмфри назвал Миннеаполис, подошел к большой карте, висевшей на стене кабинета, и с той же улыбкой обвел Миннеаполис толстым синим карандашом, пояснив:

– Это чтобы не забыть дать указание не трогать этот город, когда полетят ракеты.

Реакция сенатора на этот черный юмор была в том же духе. Удостоверившись, что Хрущев постоянно живет в Москве, он сказал:

– Прошу извинить, господин председатель, но я не могу ответить вам такой же любезностью{1080}.

С началом нового, 1959 г. стало казаться, что советское руководство оказалось как бы на перепутье: ему было неясно, что же делать дальше. В духе прорицательницы Кассандры Хрущев и Громыко продолжали предсказывать беды, которые наступят, ежели Запад не примет их требования относительно Берлина. Но каких-либо контрпредложений с противоположной стороны не было, и возникла перспектива девальвации угроз, если не подкрепить их какими-нибудь конкретными действиями. А прибегать к ним не хотелось из-за опасения вступить на зыбкую почву с непредсказуемыми последствиями{1081}.

Заместитель председателя Совета министров СССР А.И. Микоян с 3 по 20 января нанес неофициальный (по приглашению советского посла в Вашингтоне) визит в США. Ему было поручено передать президенту и государственному секретарю, что в Москве по-прежнему занимают жесткую позицию, но готовы вести переговоры, а объявленный ранее крайний срок на самом деле не является ультиматумом. Эта деликатная миссия оказалась ему по плечу. Был обед в посольстве, на котором присутствовали вице-президент Р. Никсон, государственный секретарь Д.Ф. Даллес и его брат, директор ЦРУ А. Даллес. Была встреча и с президентом Д. Эйзенхауэром. «Думаю, – вспоминал его советник и переводчик в этой поездке О.А. Трояновский, – что благодаря именно этим беседам берлинский вопрос начал наконец сдвигаться с мертвой точки»{1082}.

Месяц спустя в Москву по собственной инициативе прилетел британский премьер-министр Г. Макмиллан. С ним Хрущев вел себя довольно агрессивно. А временами

даже вызывающе. Но как ни странно, гость вернулся из Москвы с положительными впечатлениями, с чувством, что стал лучше понимать главу советского правительства: «Он был мне интересен потому, что больше похож на тех русских, о которых мы читали в романах, чем большинство русских технократов. Кажется, что все они сделаны в Германии – какие-то жесткие. С ними нельзя было по-настоящему беседовать. А с Хрущевым можно»{1083}.

Вскоре после этого визита, 7 марта 1959 г. генеральный конструктор ОКБ-23 В.М. Мясичев, занимавшийся разработкой стратегических бомбардировщиков, направил в ЦК КПСС записку об отставании в производстве радиотехнической и навигационной аппаратуры от американской по объему, весу и потребляемой мощности. Так, навигационный автомат НА-1, разработанный в ОКБ-470, весит 135 кг, тогда как его американский аналог – 30 кг, автоматический радиокompас ОКБ-528-39 кг против 8 кг, система коротковолновой дальней связи Коноплева (НИИ-695) – 205 кг против 90. Общий вес такого рода отечественной аппаратуры, без которой немислим современный боевой самолет, составляет 600 кг, тогда как американской – только 200 кг. Она занимает в три раза больше места и потребляет в три раза больше электроэнергии{1084}. 29 апреля эта записка была рассмотрена, но решения никакого по ней принято не было. Ее передали на рассмотрение заместителя председателя Совета министров Д.Ф. Устинова и двух министров-председателей соответствующих госкомитетов – П.В. Дементьева (по авиационной технике) и В.Д. Калмыкова (по радиоэлектронике){1085}.

Наверное, меры какие-то по исправлению ситуации в дальнейшем были приняты. Еще 2 марта 1959 г. Секретариат ЦК КПСС командировал ряд ответственных работников на места, чтобы они там подготовили предложения по отбору площадей, необходимых для производства радиоэлектронной аппаратуры{1086}. Но военно-техническое соревнование с Америкой все больше переключалось с авиации на ракеты. И это был личный выбор Хрущева, сделанный им несмотря на молчаливое неодобрение его коллег по Президиуму ЦК и военных.

Еще в 1958 г. он, опираясь на одного из своих заместителей по Совмину, Д.Ф. Устинова, и главного маршала артиллерии М.И. Неделина, вопреки увещаниям П.В. Дементьева и А.Н. Туполева настоял на том, чтобы Куйбышевский авиационный завод, самый крупный в стране, был передан для серийного производства ракет{1087}. В сентябре того же года после успешного испытания ракеты Р-12 конструкции М.К. Янгеля в Капустином Яре восхищенный Хрущев делился своими соображениями с Кириченко, Брежневым, Кириленко, Малиновским и Соколовским:

– Настало время провести ревизию, посмотреть, туда ли мы вкладываем деньги, не расходует ли мы их впустую на устаревшее вооружение. Я считаю, что следует сосредоточиться на главном, на ракетах. А остальное поприжать, подсократить авиацию и артиллерию. На все денег все равно не хватит. Если подойти разумно, то можно в короткий срок перевести армию на ракеты и, закрывшись ими, как щитом, заняться мирными делами{1088}.

По имеющимся в нашем распоряжении немногочисленным и отрывочным документам, Секретариат ЦК КПСС в 1959 г. рассматривал кадровые вопросы, связанные с упразднением или расформированием 138-й истребительно-авиационной дивизии, 33-й дивизии тяжелых бомбардировщиков дальней авиации, 207-й бомбардировочно-авиационной дивизии{1089}.

Но продолжалось интенсивное строительство подводных лодок, а сами эти лодки осваивали новые театры военных действий. Так, 8 августа 1959 г. из Владивостока к берегам Индонезии вышли 2 подводные лодки С-79 и С-91. В Суробае над ними были подняты индонезийские флаги, но кроме нескольких офицеров все остальные моряки их экипажей были советскими гражданами. Вскоре туда же и на тех же условиях пришли еще 4 «эски»{1090}.

В том же 1959 г. в Средиземном море была сформирована 40-я отдельная бригада подводных лодок, а осенью того же года подлодка С-360 в течение 30 суток, не всплывая на поверхность, в условиях, максимально приближенных к боевым, совершила поход из Влеры (Албания) к Гибралтару и вернулась назад. Причем на обратном пути в Тунисском проливе корабль не только сумел «снять отпечатки пальцев», то есть записать шумы винтов американского крейсера «Де Мойн», но и попытался имитировать торпедную атаку на него. Но так как на крейсере в это время находился сам президент Д. Эйзенхауэр, корабли охранения были особенно бдительны и сумели запеленговать, засечь и шум в глубине, и поднятый

перископ. Началась погоня. Правда, «поднять» С-360 не удалось, она сумела оторваться от преследования. В Москве стало известно об этом происшествии из сообщений американских СМИ. Командиру лодки В. Козлову вменили в вину нарушение скрытности плавания, и ему грозило снятие с должности. Но когда об этом узнал Хрущев, он распорядился всячески поощрить подводника. И вместо наказания его назначили заместителем командира бригады{1091}.

Так очень беспокойно прошли первые восемь месяцев 1959 г. За угрозами одной стороны следовали контругрозы, за зондажом – контрзондаж, за туманными намеками на готовность вступить в серьезные переговоры – опровержения. В этой отнюдь не мирной атмосфере Хрущеву 16 мая вручили международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». Еще один его заместитель по Совету министров Ф.Р. Козлов 29 июня открывал в Нью-Йорке выставку научно-технических и культурных достижений СССР. А вице-президент Р. Никсон 24 июля вместе с Хрущевым открывал национальную выставку США в Москве.

Эта выставка положила начало культурному обмену между двумя странами, инициированному Хрущевым, который полагал, что наша страна вполне может помериться своими достижениями с Америкой. Однако и советское руководство, и американская администрация рассматривали это мероприятие как одно из сражений в «холодной войне» друг с другом. Еще в июне ЦК КПСС указывал на необходимость противодействия намерениям организаторов этой выставки использовать ее «в целях пропаганды среди советских людей буржуазной идеологии». Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС предусмотрел меры по организации отрицательных записей в книге отзывов посетителей с критикой американского образа жизни, общественного и государственного устройства в США{1092}. Соответствующая кампания развернулась на страницах советских газет.

Идеологический натиск начал сам Хрущев, сразившись с Никсоном перед телекамерами в эмоциональной полемике:

– Мы уверены, что недалеко то время, когда наша страна догонит нашего американского партнера по мирному экономическому соревнованию, а затем на каком-то разъезде поравняется с ним, даст приветственный сигнал и двинется дальше. Мы получим глубокое удовлетворение, когда обгоним такого хорошего «бегуна» – наиболее развитую капиталистическую страну.

В то же время он выражал сожаление, что желание СССР развивать торговлю с США без ограничений и дискриминации, на основе взаимной выгоды, «не встречает должного понимания со стороны определенных кругов США»{1093}.

Никсон в какой-то момент попытался перевести разговор в другую плоскость, заявив:

– У вас лучше ракеты, у нас – цветные телевизоры. Хрущев компромисса не принял:

– Нет, у нас и телевидение лучше!{1094}

Советская публика выстраивалась в длинные очереди, чтобы поглазеть на то, как живет-может за океаном, порасспрашивать, побеседовать, поспорить. Споры о том, чей строй лучше, в течение многих часов вели в те дни между собой и Хрущев с Никсоном.

– Давайте соревноваться на мирном поприще, это благородно, – предлагал Хрущев.

– Я за мир во всем мире, – не возражал Никсон. Хрущев тут же предложил:

– Добавьте слова: «И за ликвидацию военных баз на чужих территориях»!

– Мы верим, что советский народ, советское правительство войны не хотят, – решил сказать Никсон Хрущеву что-нибудь приятное.

Но тому этот комплимент показался недостаточным:

– Если вы верите в мирные намерения нашей страны, то зачем же продолжаете гонку вооружений, зачем строите военные базы вокруг наших границ?

– Мы за мир, – продолжал утверждать американский вице-президент.

– Но если вы за мир, то почему приняли такое неразумное решение о проведении недели так называемых поработанных народов? – продолжал возбужденно спрашивать его советский премьер. – Вы что, хотите освободить наши народы от «рабства коммунизма»? Неужели вы всерьез считаете народы социалистических стран поработанными народами?{1095}

Во время воскресной загородной прогулки с высоким гостем на катере по Москва-реке Хрущев попросил приблизиться к берегу, чтобы спросить подбежавших к ним людей:

– Кто из вас имеет высшее или среднее образование? Оказалось, что почти все.

– И вот их-то вы и называете «рабами коммунизма»! – торжествующе заключил Никита Сергеевич, обращаясь к Никсону. – Вы говорите, что мы «рабы коммунизма», а мы вас считаем рабами капитализма. Вы простых вещей не понимаете, что век капитализма на закате. А у нас это понимают даже пионеры{1096}.

Если верить обозревателю газеты «Правда» Ю. Жукову, при том присутствовавшему, в толпе раздался веселый дружный смех.

– Нас освобождать не надо, – сказал кто-то знатному американцу–

– Мы не рабы, – возразила и «пышущая здоровьем женщина средних лет». – Мы живем счастливо{1097}.⁶

Споры эти продолжились во время официального визита Хрущева в Соединенные Штаты в сентябре того же года. Сам беспосадочный перелет туда на новом 4-моторном пассажирском Ту-114, родном брате бомбардировщика и ракетносца Ту-95, был только частью непрекращавшегося спора о преимуществах той и другой системы. Подобного авиалайнера тогда в мире ни у кого не было.

В ходе многочисленных бесед, в том числе в загородной резиденции президента Кэмп-Дэвиде, Хрущев и Эйзенхауэр обменялись мнениями по широкому кругу вопросов, относящихся и к двухсторонним связям между СССР и США, и к делам международным.

Результаты визита в США не были однозначными. Безусловно, между двумя лидерами появились ростки взаимопонимания. Как-то в одной из довольно откровенных бесед Д. Эйзенхауэр, как бывший генерал, посетовал:

– Ко мне часто приходят военные и говорят – дайте денег на производство того или иного вида вооружений, если не дадите, русские нас обгонят... А как у вас обстоит дело?

Хрущев ответил:

– Примерно то же самое. Обращаются военные и ученые и просят денег на производство новых ракет. И мы им даем эти деньги. А через полгода приходят те же люди и говорят: «Мы разработали более совершенные проекты ракет, давайте нам деньги». Мы говорим им: «Ведь недавно мы отпустили вам средства на новые ракеты». А они отвечают: «Теперь мы создали еще более совершенные ракеты, давайте деньги, иначе американцы нас перегонят». Приходится снова выдавать. И получается так, как в сказке про белого бычка{1098}.

Хрущев был воодушевлен оказанным ему торжественным приемом и воспринимал его как вторичное признание коммунистической России первой державой. Учитывая сохранившийся у него комплекс неполноценности, в его глазах это имело немаловажное значение{1099}.

Вернулся Хрущев оттуда в хорошем настроении, с ощущением, что достиг существенных политических результатов. Будучи человеком эмоциональным, увлекающимся, он стал воспринимать свою поездку за океан как начало новой эры в советско-американских отношениях. В частности, уверовал в то, что западные державы пойдут на уступки по германской проблеме. Не смогли разубедить его в этом и китайские руководители, которых он, прилетев в Пекин, поспешил проинформировать о своих впечатлениях о пребывании в Америке. Вслед за этим последовала поездка по Приморью и Сибири с краткими остановками и встречами с населением в различных населенных пунктах. Почти повсюду настроение было приподнятое, высказывались надежды на мир, на улучшение международных отношений. Были слышны слова благодарности руководству за успехи во внешней политике. Можно полагать, что такой прием еще более воодушевил Хрущева{1100}. То же самое повторилось в начале декабря на Украине по возвращении со съезда Венгерской социалистической рабочей партии.

Советская пропаганда, прославляя «дух Кэмп-Дэвида», раздувала эти иллюзорные ожидания. Подобным недостатком страдала и книга «Лицом к лицу с Америкой», авторы которой, сопровождавшие советского лидера в его поездке по Соединенным Штатам, в бравурных тонах описывали его пребывание там.

⁶ Когда 30 с лишним лет спустя Р. Никсона спрашивали во время его очередного визита в Москву, думал ли он, что советский народ будет жить в таких условиях, он отвечал: «Конечно, я не верил, что вы будете жить лучше нас. Но я никогда не думал, что разрыв между США и СССР будет настолько велик» (Комсомольская правда. 26 марта 1991. С. 3).

Под влиянием этой эйфории Хрущев пришел к мысли сократить вооруженные силы в ближайшие два года еще на одну треть. Вот уже как два года в Тюратаме (более известном как Байконур) на старте располагались ракеты Р-5, дальность полета которых превышала 4000 километров. 15 декабря 1959 г. в Плесецке на боевое дежурство вступил первый ракетный комплекс с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) Р-7. Все они были нацелены на Нью-Йорк и Вашингтон{1101}. А через два дня высшее советское руководство придало ракетным войскам стратегического назначения статус особого вида вооруженных сил во главе с главным маршалом артиллерии М.И. Неделиным в ранге заместителя министра обороны. Началась гонка ракетного оружия. Поначалу в 1960 году советская группировка МБР насчитывала всего 2 ракеты Р-7. Их двигатели работали на низкокипящем топливе, включающем жидкий кислород, что усложняло обращение с ними и отрицательно сказывалось на боеготовности. К тому же они имели крайне низкие характеристики точности, отклонения их от цели при испытаниях доходили до 10 километров, и чтобы поразить эту цель, надо было использовать очень мощную боеголовку – до 3 мегатонн тротила, то есть мощность 10 бомб, сброшенных на Хиросиму. У американцев на старте находились 12 ракет «Атлас». Они имели схожие характеристики, но отличались меньшей стартовой массой (118 тонн вместо 283 у Р-7) и большей точностью (до 3 километров){1102}.

Советское руководство, разумеется, прекрасно знало об этом отставании, предпринимало все возможные меры, чтобы сократить его, но публично нередко позволяло себе блефовать. Хрущев, например, мог с энтузиазмом рассказывать, что своими глазами видел, как ракеты делают на потоке словно сосиски, и что советским противоракетным оружием можно попасть в муху. И тем не менее его очень сильно продолжали беспокоить американские военно-воздушные базы по периметру границ СССР и намерение НАТО разместить ядерное (в том числе ракетно-ядерное) оружие в Англии, ФРГ, Италии и Турции. Не менее нервно он реагировал на разговоры об «отбрасывании», которые постоянно велись в США на официальном уровне.

18 сентября 1959 г., выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН, Хрущев огласил проект декларации Объединенных Наций о всеобщем и полном разоружении с конкретными предложениями по этому вопросу. Суть их состояла в том, чтобы в течение 4 лет все государства осуществили полное разоружение и не имели бы больше средств для ведения войны (сухопутных армий, военно-морских флотов и военно-воздушных сил, атомных и водородных бомб, военных министерств, генеральных штабов и военно-учебных заведений и т. п.). Чтобы обеспечить такое разоружение, должен быть учрежден международный контрольный орган с участием всех государств.

– Всеобщее и полное разоружение, – сказал Хрущев, – дало бы возможность переключить огромные материальные и финансовые средства с производства орудий смерти на созидательные цели{1103}.

Советское предложение в той или иной форме было поддержано почти всеми выступавшими на сессии. И впервые за много лет советская и американская делегации выступили здесь с совместным проектом резолюции передать рассмотрение всех предложений по этому вопросу специальному «Комитету 10» (5 членов ОВД и 5 членов НАТО), созданному вне ООН. Он был единогласно одобрен 20 ноября 1959 г.

Продолжением основной инициативы Хрущева стали его предложения в одностороннем порядке сократить личный состав вооруженных сил СССР на один-полтора миллиона в течение ближайших двух лет или даже одного года. Обосновывая их в своей записке, направленной в Президиум ЦК КПСС 8 декабря 1959 г., он ссылаясь не только на благоприятный для идей социализма и авторитета СССР международный резонанс, вызванный этой инициативой, но и на успехи советского ракетостроения, которые, с его точки зрения, позволяют не только компенсировать столь значительное сокращение, сохранив должную обороноспособность, но и высвободить при этом огромные бюджетные средства, а также людские и материальные ресурсы для решения других задач{1104}.

При обсуждении этой записки на заседании Президиума ЦК КПСС 14 декабря 1959 г. Хрущев, по воспоминаниям дипломата О.А. Гриневского, в свою очередь ссылавшегося на заместителя министра иностранных дел В.А. Зорина, следующим образом отстаивал свою

точку зрения:

– У нас есть ядерный щит. Мы впереди в создании ракетного щита – наши ракеты самые лучшие в мире. Американцы догнать нас не могут. Зачем нам щит в виде огромных армий, сконцентрированных в Европе? Это старый хлам, металлолом, который пудовыми гириями висит на шее народа, отвлекая миллионы рабочих рук от созидательного труда{1105}.

Было принято принципиальное решение одобрить сокращение вооруженных сил, вынеся на Верховный Совет вопрос «о проведении в одностороннем порядке мероприятий, направленных на ослабление международной напряженности»{1106}.

18 декабря 1959 г. в ЦК КПСС было созвано совещание командного состава родов войск и военных округов для обсуждения практических мер по сокращению вооруженных сил{1107}.

– Если мы уже имеем и будем совершенствовать количественно и качественно атомное оружие, которое всегда будет наготове, чтобы одним залпом расправиться со своим противником, то зачем нам иметь такую большую армию? – спрашивал собравшихся Хрущев{1108}.

Разъясняя им причины, побудившие высшее руководство страны принять столь радикальное решение, он говорил:

– Не знаю, как вы, военные, думаете, но мы в Президиуме думаем и придерживаемся твердого правила, что мы сами воевать не собираемся... Почему? Потому что война всегда приносит неисчислимые бедствия, даже если она бывает победной... Завоевывать новые территории нам не нужно, у нас есть свои. Война для распространения нашей идеологии в других странах не метод. Мы считаем самым лучшим, самым эффективным методом экономическое соревнование. Мы уверены в своих идеях и возможностях. А если мы воевать не собираемся, зачем нам иметь большую армию?{1109}

Содержание этой большой армии имеет негативные внешне- и внутрисполитические последствия:

– Мы пугаем честных буржуа – сторонников капиталистического строя, которые хотят с нами мира... В разговорах мне часто представители буржуазных государств говорили, что они боятся нас. Кроме того, мы глубоко убеждены в том, что иметь сейчас большую армию – это значит иметь [в ее лице] противника (то есть не ослаблять, а усиливать противника. – Ю. А.) , потому что армия истощает бюджет, ограничивает развитие экономики страны. Если мы сейчас сократим на какое-то количество армию, это даст возможность сэкономить миллиардов 5-7 бюджета, а это деньги ощутимые{1110}.

Правда, в своем заключительном слове Хрущев относительно бремени военных расходов говорил уже нечто совсем иное. Его, судя по всему, насторожило, что на совещании выступили всего 15 человек. Выразив готовность выслушать и тех, кто имеет другое мнение, он сказал:

– Если у кого есть малейшие сомнения, то будет преступлением, если вы смолчите и не скажете об этих сомнениях. Тогда зачем нам сокращать? Разве мы сокращаем для того, чтобы сэкономить 5 миллиардов рублей? Нет. Мы готовы еще 5 миллиардов добавить, если потребуется, чтобы сделать нашу страну неприступной. Поэтому давайте прямо говорить, чтобы у вас не сложилось впечатление, что мы ищем денег... Мы идем на сокращение не от слабости экономической и бюджетной, а от силы.

26 декабря 1959 г., в последний день работы пленума ЦК КПСС, Хрущев доложил об этих мероприятиях, и они были одобрены, причем, судя по всему, без обсуждения{1111}.

Закон «О новом значительном сокращении вооруженных сил СССР», принятый Верховным Советом 15 января 1960 г., провозглашал сокращение на 1,2 млн. человек до уровня 2423 тысячи к 1962 г. и соответственное уменьшение расходов на военные нужды{1112}.

И все же, несмотря на столь значительное (на треть) сокращение, вооруженные силы СССР продолжали бы оставаться самыми многочисленными по сравнению со своими потенциальными противниками. Это и не удивительно. Министр обороны Малиновский, выступая в Верховном Совете, разъяснял, что хотя «ракетные войска, бесспорно, являются главным видом наших вооруженных сил», все же «одним видом войск решать все задачи нельзя» и «успешное ведение военных действий в современной войне возможно лишь на основе согласованного применения всех средств вооруженной борьбы и объединенных усилий всех видов вооруженных сил»{1113}. Аналогичную мысль он высказывал и позже{1114}.

Однако многочисленные выступления самого Хрущева, подхваченные печатной и устной партийной пропагандой, создавали у некоторой части населения, особенно военных, несколько искаженные представления о том, как представляет себе советское руководство характер будущей войны и роль в ней различных видов оружия. Так, генерал-майор запаса Н.Л. Кремний в письме на имя Хрущева, обращая внимание на равные возможности применения ядерного оружия у СССР и США, а также на ужасные последствия ядерных взрывов на их территории, делал вывод, что оно не будет использовано ни той, ни другой стороной, а это создаст более благоприятные условия для той из них, которая продолжает развивать обычные вооружения. Поэтому ракетно-ядерная техника дополняет лишь традиционные виды вооруженных сил, а подготовку и обучение войск с ее применением следует воспринимать лишь как частный случай войны, во всяком случае в течение ближайших 20 лет. Автора этого письма вызвали в Генштаб, где разъяснили, что он отстал в вопросах военной техники и ее применения, дал субъективную оценку международной ситуации, а его предложение готовиться к войне с применением обычных средств вооружения обезоружит СССР перед ядерной угрозой{1115}.

20 января Министерство обороны издало директиву о задачах, методах и сроках реализации этого закона. Все военнотруженики обязаны были ознакомиться с закрытым письмом министра обороны Малиновского и начальника ГлавПУра Голикова с соответствующими разъяснениями{1116}. Поскольку одной из главных целей сокращения вооруженных сил было высвободить дополнительную рабочую силу для использования в народном хозяйстве, то предполагалось, что основная масса демобилизованных офицеров и сверхсрочников найдет применение своим силам и способностям в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и транспорте. Для привлечения их на новостройки, а также в колхозы и совхозы принимались особые меры. Но они не давали должного эффекта. Рассказывая на декабрьском 1959 г. пленуме ЦК КПСС о своем знакомстве в Америке с отставным генералом, ставшим управляющим на ферме Эйзенхауэра, Хрущев посетовал:

– А возьмите-ка наших отставных генералов. Разве найдете среди них такого, который бы согласился пойти, скажем, директором совхоза? Он, вероятно, посчитал бы это делом ниже своего достоинства{1117}.

Однако не одни только генералы не проявляли горячего желания отправиться в сельскую местность. По данным ГлавПУра, соответствующие задания по отправке туда демобилизованных были выполнены в Белорусском военном округе лишь на 35%, в Бакинском – на 23%, в Киевском – на 18%, в Туркестанском – на 14%.{1118}

Большинство увольнявшихся предпочитали оседать в крупных городах, хотя их там вовсе не ждали молочные реки и кисельные берега. Например, из 18434 офицеров, прибывших к 1 октября 1960 г. в Харьков, каждый третий оставался не трудоустроенным, более 75% не были обеспечены квартирами (до конца года предполагалось предоставить жилплощадь еще 38%) {1119}.

Однако в полном объеме это сокращение так и не было проведено.

К весне 1960 г. в отношениях между Востоком и Западом, казалось, вновь наступил спад. Опять замаячила перспектива передачи ядерного оружия бундесверу. Можно представить себе, какое впечатление произвела эта перспектива в СССР, когда у его граждан были все еще свежи воспоминания о недавней войне. Из различных источников, в том числе разведывательных, поступало все больше информации, из коей следовало, что у западных держав нет намерения сколько-нибудь смягчить свою позицию по германскому вопросу. Максимум, на что можно было надеяться, так это на соглашение о частичном запрещении испытаний ядерного оружия{1120}. И чем ближе был срок начала конференции глав четырех держав в Париже, тем более проблематичными выглядели ее перспективы, полагали специалисты, готовившие материалы для советской делегации. Для окружения Хрущева было очевидно также, что он «серьезно обеспокоен тем, что конференция не оправдает возлагавшихся на нее ожиданий»{1121}.

Именно в это время, как гром с ясного неба, возник инцидент с американским самолетом-разведчиком У-2. Его полеты над территорией СССР продолжались уже давно, с лета 1956 г., но так как он летал исключительно высоко, его нельзя было сбить огнем зенитной артиллерии. Когда Хрущеву докладывали об очередном нарушении советского воздушного

пространства, он каждый раз возражал против того, чтобы публично объявлять об этом и заявлять американцам протест. Его доводы сводились к тому, что незачем рекламировать свою беспомощность, протестуя против действий, которые мы не в силах пресечь. И нажимал на наших специалистов, требуя, чтобы они поскорее дали зенитную ракету нового типа, способную достать У-2.{1122}

Каждый новый полет У-2 был не только унижением. Он давал дополнительные аргументы тем, кто вновь и вновь утверждал, что верх простодушия верить в добрые намерения Америки.

Рано или поздно, но мина замедленного действия взрывается. Это и произошло 1 мая 1960 года в небе над Уралом.

– Это может послужить причиной срыва конференции в Париже, – заявил Хрущев вечером того же дня и стал готовить своего рода ловушку для Белого дома{1123}.

На сессии Верховного Совета СССР Хрущев произнес две или три речи, провоцируя Вашингтон на все новые опровержения, каждое из которых противоречило предыдущему. И все же казалось, что встреча глав большой четверки в Париже вне опасности, сам советский премьер старался не выдвигать никаких обвинений непосредственно против американского президента.

9 мая Государственный департамент признал, что полеты над территорией СССР санкционированы Белым домом, дав также понять, что они будут продолжены. А через пару дней Эйзенхауэр сам подтвердил на пресс-конференции, что лично несет ответственность за полеты, и заявил, что они необходимы для обеспечения национальной безопасности и поэтому будут продолжены. После этого многие наблюдатели стали уверенно предсказывать столкновение между американским президентом и советским премьером. Такое предчувствие было и у помощников последнего. Советская страна была унижена и оскорблена, а ее руководитель поставлен в тяжелое положение. «Можно было не сомневаться, что если бы он не реагировал достаточно жестко, ястребы в Москве и Пекине использовали бы этот инцидент – и не без основания – как доказательство того, что во главе Советского Союза стоит лидер, готовый снести любое оскорбление со стороны Вашингтона»{1124}.

11 мая Хрущев появился в столичном парке культуры и отдыха им. Горького, где были выставлены обломки сбитого У-2, и прозрачно намекнул, что в Советском Союзе не будут приветствовать приезд

Эйзенхауэра и что его придется отменить. Что же касается перспектив саммита, то определиться в этом вопросе он смог только в самый последний момент, в аэропорту, где собрались для его проводов члены Президиума ЦК. Решено было потребовать от американского президента, чтобы он выразил сожаление по поводу имевших место нарушений воздушного пространства СССР, дал обязательство никогда вновь его не нарушать и наказал тех, кто несет за это непосредственную ответственность. Рассказав об этом своим помощникам уже на борту самолета, Хрущев добавил, что считает практически невероятным принятие этих требований:

– Поэтому, представляется мне, весьма вероятно, что конференция закончится провалом. Это достойно сожаления, но у нас нет выбора{1125}.

16 мая 1960 г. главы правительств четырех держав, в соответствии с ранее достигнутой договоренностью, были уже в Париже. Уже их предварительная встреча не обещала ничего хорошего. Эйзенхауэр сделал было движение, чтобы направиться к Хрущеву, но, встретив его леденящий взгляд, все понял и остановился. Взаимные приветствия не состоялись, и оба лидера не пожали друг другу руки. После нескольких слов, произнесенных де Голлем, слово взял Хрущев:

– Совещание может начать свою работу в том случае, если президент Эйзенхауэр принесет свои извинения Советскому Союзу за провокацию Пауэрса.

– Подобных извинений я приносить не намерен, так как ни в чем не виноват, – еле слышным голосом, скорее для себя, чем для других ответил Эйзенхауэр.

«Все участники встречи поняли, что оставаться сидеть на своих местах – значит начать состязание в том, кто кого пересидит. Поэтому все, не произнося ни слова, покинули зал, – вспоминал Громыко. – Этот случай, возможно, уникальный в истории. Но так было»{1126}.

Хозяин встречи де Голль еще как-то пытался спасти положение. Встретившись с

Хрущевым, он дал понять, что «Эйзенхауэр в принципе не прав, но ему чуть ли не следует все это простить, вроде как нашалившему ребенку»{1127}. Но из этой попытки ничего не получилось.

Итак, совещание глав государств и правительств «большой четверки» в Париже сорвалось. Был отменен уже полностью согласованный ответный визит американского президента Д. Эйзенхауэра в СССР. В советско-американских отношениях наступил очередной период охлаждения.

В СССР началась новая антиамериканская кампания, в которой активное участие принял сам Хрущев. Он превзошел самого себя, призывая божий гнев на голову Эйзенхауэра. В конечном счете получилось так, что не Белый дом вынужден был оправдываться, а постоянные вспышки советского лидера стали вызывать отрицательную реакцию в мировом общественном мнении{1128}. И не только в мировом.

По разнарядке ЦК в этой кампании должны были принять участие и видные представители общественности. Так, среди 9 ораторов на совещании передовиков соревнования за звание ударников коммунистического труда полагалось выступить и хрущевскому любимчику А.Т. Твардовскому. Он отказался под благовидным предлогом, но, что весьма характерно, уехав на дачу, сел на всякий случай писать речь:

– Думаю, напишу, чтобы показать потом черновик – что я не по лени и не по пьянке отказываюсь, а просто выступать с этим не хочу, – говорил он тем, кому доверял{1129}.

А среди последних были и такие, кто смотрел на все происходящее вокруг гораздо более критично. «Читать газеты все неприятнее, – записывал в свой дневник 4 июня 1960 г. критик В.Я. Лакшин. – Запорожская брань Хрущева против “империалистов”... А дела, видно, запутываются все больше»{1130}. Отмечая месяц спустя «накал истерии в мире», он так его комментировал: «Наши глупят, хвастаясь перед всем миром, сбивая самолет над нейтральными водами и отказываясь идти на международный суд. Легковесность и произвол в политике»{1131}.

Критика американского правительства присутствовала и во всех выступлениях Хрущева во время его пребывания в Нью-Йорке в сентябре 1960 г., куда он явился на сессию Генеральной ассамблеи ООН и где основной его мишенью был империализм и колониализм.